

И оттого не столь страшно отрицаніе Толстого: можно чтить въ немъ глашатая правды и любви, не раздѣляя многихъ и многихъ его отрицаній; въ разрушеніи его слышится созиданіе: онъ разрушаетъ тлѣнное, онъ стремится создать нетлѣнное, нетлѣнный храмъ добру и правдѣ въ сердцахъ человѣческихъ.

Не подобное ли впечатлѣніе производилъ и самъ Толстой, какъ живой человѣкъ? Мы привыкли къ его портретамъ, съ насупленными бровями, съ угрюмымъ какъ будто видомъ; и мы знаемъ, что многіе, помня этотъ образъ, боялись вступать съ нимъ въ общеніе; но всѣ вступавшіе въ общеніе съ нимъ рассказываютъ, какъ покорены бывали они его мягкимъ и ласковымъ взглядомъ, его привѣтливою рѣчью, его ободряющимъ участіемъ...

Итакъ, и художникомъ оставался Толстой до конца своей литературной дѣятельности, и съ другой стороны никогда, и въ раннее время, не выходило изъ-подъ его пера произведенія безъ глубокой нравственно-религіозной идеи; могучимъ свѣтомъ этой идеи озарена та широкая картина жизни, которую даютъ намъ его художественныя созданія; и еще въ „Войнѣ и Мирѣ“ онъ далъ намъ ключъ къ уясненію художественныхъ образовъ своей грандіозной эпопеи въ знаменитыхъ словахъ: „нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды“. Разница двухъ періодовъ дѣятельности Толстого та, что въ первомъ художественный образъ господствуетъ въ его дѣятельности, выдвигается на первый планъ, хотя и стоитъ на религіозно-нравственной основѣ; во второмъ онъ отодвигается на второй планъ, служа уясненію прямой, непосредственно излагаемой проповѣди. И художникъ и моралистъ въ Толстомъ тѣсно связаны: моралистъ далъ прекрасный комментарий къ его художественнымъ созданіямъ, художникъ — прекрасныя иллюстраціи, образы для уясненія моральнаго его ученія. Передъ нами крѣпкая, цѣлостная личность, могучая въ своей искренности, непрестанномъ исканіи правды, послѣдовательно развивающая основныя начала своего міросозерцанія.

Своей основной идеѣ служилъ онъ, хотя и въ разныхъ формахъ, всю жизнь, устремляя свою мысль въ область вѣч-

